Вашкевич И. В. Взаимоотношения чехов и словаков (1918—1948 гг.): этапы, ментальные парадигмы, государственноправовые решения/ И.В. Вашкевич // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 /редкол. : А. П. Сальк ов, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 101-107.

И. В. Вашкевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ (1918—1948 гг.): ЭТАПЫ, МЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Проблематика чешско-словацких взаимоотношений уже долгое время представляет интерес для историков. В 60—70-е гг. XX в. чешскими и словацкими авторами Я. Барто, С. Фалтьяном, Я. Гроспичем, М. Барновским был собран и проанализирован обширный фактический материал [1—4]. «Словацкий вопрос» рассматривался в контексте борьбы различных политических сил Чехословакии за овладение властными позициями. Несмотря на широкий круг вопросов, поднимавшихся в чехословацкой историографии, в целом она не выходила за рамки укоренившейся марксистско-ленинской идеологии. Провозглашение Чехии и Словакии в качестве суверенных республик заставило ученых вновь обратиться к истории совместного проживания двух народов в рамках единого государства [5—10].

Чешско-словацкие взаимоотношения в межвоенный период. С момента образования в октябре 1918 г. Чехословацкая республика (ЧСР) являлась многонациональным государством, в котором чехи и словаки вместе составляли 8 млн 760 тыс. человек, то есть 65,51% от численности населения [11, с. 103]. Конституция 1920 г. закрепляла унитарную форму территориально-государственного устройства ЧСР. Закон о принципах языкового права, принятый в дополнение к Конституции, признавал в качестве официального чехословацкий язык. Единое государство рассматривалось как прогресс в развитии обоих народов. По мнению первого президента ЧСР Т. Г. Масарика, только объединившись, чехи и словаки могли успешно развиваться и противостоять крупным европейским державам [6, с. 65].

Идеология республики должна была строиться исходя из теории существования единой чехословацкой нации и единого языка. Чешские политики, поддерживавшие «чехословакизм», указывали на более низкий цивилизационный уровень словацкой ветви [1, s. 8]. Для словаков, принявших «чехословакизм», ключевой была возможность их самостоятельной политической ориентации в рамках единого государства, что нашло выражение в Питтсбургском соглашении, заключенном между представителями чешских и словацких эмигрантских организаций 30 мая 1918 г., а также в Мартинской декларации Словацкого национального совета (СНС) от 30 октября 1918 г. Оба документа предусматривали создание республики, в которой Словакия должна обладать широкой автономией, а словацкий язык должен признаваться «официальным в школах, учреждениях и вообще в общественной жизни» [12, s. 69]. С провозглашением ЧСР словацкие политики связывали возможность реализовать право своего народа на самоопределение. К тому же новое государство воспринималось ими как завершение мадьяризации, которая проводилась Будапештом в духе заявлений премьер-министра Венгрии Иштвана Тисы об отсутствии словацкого народа как такового [5, с. 151].

Вашкевич Инна Валерьевна — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат исторических наук

В домюнхенский период «чехословацкий лагерь» не только в Чехии, но и в Словакии представлял значительную политическую силу. Однако существовали и противоположные настроения. 11 декабря 1918 г. Восточнословацкий национальный совет, возглавляемый редактором венгерской газеты в Прешове Виктором Дворчаком, заявил о желании так называемой Словацкой народной республики остаться в составе Венгрии [11, с. 97].

Следствием недовольства национальной политикой Праги в межвоенные годы стало зарождение сепаратизма во главе со Словацкой народной партией (ГСНП). В 1919 г. ее будущий лидер А. Глинка пытался представить Парижской мирной конференции меморандум, в котором значилось, что угнетение словаков со стороны чехов сопоставимо с венгерским игом. В 1920-е гг. эта партия перешла в оппозицию правительству, а в 1922 г. предложила парламенту свой первый официальный законопроект автономии Словакии [5, с. 159]. ГСНП выражала позиции значительной части словацкого общества, о чем говорят результаты парламентских выборов: в апреле 1920 г. партия получила 17 % голосов в целом по республике, в ноябре 1925 г. стала первой в Словакии, завоевав 68,8 % голосов [11, с. 118, 144].

Рост словацкого национального самосознания, недовольство унитарной формой государства привели в 1928 г. к принятию закона о новом административном делении, согласно которому чешские земли, Словакия и Подкарпатье, получили статус отдельной административно-территориальной единицы — края. Однако вступление закона в силу уже не могло сдерживать распространение национализма в Словакии. В мае 1930 г. ГСНП предложила второй проект автономии с учреждением в Словакии законодательного сейма по аналогии с Подкарпатской Русью [11, с. 161]. Депутаты парламента проигнорировали этот проект, так же как и первый, однако идеи партии находили широкую поддержку в словацком обществе. На очередных выборах в парламент в мае 1935 г. победу в Словакии одержал автономистский блок, объединенный вокруг ГСНП. Словак М. Годжа впервые в истории возглавил правительство ЧСР [11, с. 162—163]. Свидетельством нарастания радикальных настроений в республике стал 1938 г., когда 6 октября в Жилине все политические партии, кроме коммунистов, заявили о своей поддержке автономии [7, с. 205]. Стало ясно, что чехословацкая государственность и чехословацкая нация — два различных понятия.

Варианты решения словацкого вопроса в годы войны. 14 марта 1939 г. под нажимом Германии было создано формально независимое Словацкое государство. Однако и в годы его существования в Словакии присутствовали чехословацко-ориентированные круги. В меморандуме от 10 февраля 1943 г. группа Флора от имени всей словацкой нации обещала верность чехословацкому правительству, оказавшемуся во время войны в эмиграции в Лондоне, и признавала его «в качестве единого легального правительства нашего народа...» [13, s. 44]. 30 июня 1943 г. правительство в Лондоне сделало ответное заявление, в котором провозгласило себя «полноправным представителем суверенной чехословацкой нации» [13, s. 80].

Отношение президента Э. Бенеша и его правительства к решению словацкой проблемы в годы войны в значительной степени определялось внешнеполитическим фактором, стремлением в будущем обеспечить единство и прочность ЧСР. Идея самобытности словаков отождествлялась с сепаратизмом. Э. Бенеш опасался, что самостоятельная Словакия может попасть в иную сферу влияния, чем Чехия. Исходя из теории «чехословакизма», президент и правительство даже не ставили вопрос об отношении чехов и словаков как двух наций. Они рассматривали словацкую проблему как административно-территориальную, которая не должна была «решаться национальным путем» [14, s. 53]. Представители коммунистической эмиграции под руководством К. Готвальда, напротив, выражали необходимость признания правительством самостоятельности словацкой нации и права словаков «решать свою судьбу в рамках общего государства на основе принципа “равный с равным”» [14, s. 38].

Несмотря на разность в понимании места и статуса Словакии в послевоенном мире, необходимость единства двух центров чехословацкой эмиграции в интересах антифашист-

ской борьбы потребовали отсрочить решение словацкого вопроса до освобождения республики [14, s. 61]. Тем не менее в годы войны было сделано несколько попыток уточнить характер чешско-словацких отношений в будущем государстве. В результате переговоров словацких коммунистов с представителями гражданского блока, в который входили некоторые бывшие члены аграрной и национально-социалистической партии, в декабре 1943 г. было подписано Рождественское соглашение, зафиксировавшее образование Словацкого национального совета (СНС) — единого органа движения Сопротивления на территории Словакии и «единого представителя политической воли словацкой нации» [13, s. 125—126]. СНС исходил из права словаков на самоопределение и выражал намерение «в первую же удобную минуту взять в свои руки всю политическую, законодательную, военную и административно-исполнительную власть» [13, s. 126]. А после начала антифашистского восстания, охватившего две трети территории Словакии, 1 сентября 1944 г. была принята Декларация словацкого народа, заявлявшая о свержении правящего режима Тисо и объявлявшая СНС верховным государственным органом, взявшим на себя всю законодательную, административную и исполнительную власть в Словакии, а также ответственность за решение вопросов политической, экономической, социальной и культурной жизни [13, s. 390—391].

В действиях СНС чехословацкое правительство увидело атаку на свои политические планы в отношении Словакии, поскольку эмигрантские политики вслед за президентом Бенешем защищали идею преемственности домюнхенской республики, легитимности ее конституции и конституционных органов на всей территории ЧСР [13, s. 238—245].

С началом антифашистского восстания в Словакии чехословацкое правительство приняло решение об отправке делегата на ее территорию, что соответствовало Соглашению об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии, заключенному 8 мая 1944 г., а также президентскому декрету от 3 августа 1944 г. Управляя освобожденной территорией, делегат должен был осуществлять решения чехословацкого правительства и руководствоваться «законами ЧСР, изданными до 29 сентября 1938 г., а также декретами президента республики и юридическими предписаниями чехословацкого правительства за границей» [13, s. 573]. Решением о делегате правительство продемонстрировало намерение самостоятельно определять внутриполитическое развитие в будущем государстве. Однако СНС отказался передать ему свои полномочия [15, s. 174]. А постановление 16 октября подтвердило, что вся власть в Словакии принадлежит СНС. Эмигрантское правительство признавалось только как представитель движения Сопротивления за границей [13, s. 708].

В октябре 1944 г. в Лондоне между Э. Бенешем и делегацией СНС в составе Л. Новомеского, Я. Урсини, М. Весела состоялись переговоры, в результате которых было принято решение о взаимном признании СНС, президента и правительства. Конституция 1920 г. должна была оставаться в силе, пока не будет изменена в законодательном порядке [13, s. 841—842]. Таким образом, словацкое восстание обострило конфликт между СНС и эмигрантским правительством. В основе противоречий находился не только вопрос о признании словаков в качестве самостоятельной нации, но и проблема носительства власти на освобожденной территории. Президент и правительство вынуждены были пойти на уступки словакам, осознавая перемены, вызванные антифашистским восстанием. Тем не менее определение принципов взаимоотношения чехов и словаков откладывалось на послевоенное время.

В марте 1945 г. в Москве между представителями Заграничного бюро КПЧ, эмигрантского правительства и СНС состоялись переговоры о программе и составе послевоенного общего правительства, на которых отчетливое выражение получил новый этап политики Праги в отношении к словакам. Словацкий вопрос в ходе дискуссий стал «предметом особого спора» [16, с. 171]. После восстания 1944 г. попирать существование словацкой самостоятельности было невозможно, поэтому центр тяжести переместился в область законодательную.

Делегация СНС выдвинула требование включить в правительственную программу положение о том, чтобы «при конституционном решении вопроса об отношениях между чехами и словаками предусматривались такие словацкие законодательные, правительственные и исполнительные органы, которые имеет народ сегодня в лице Словацкого национального совета» [14, s. 425—430]. Иными словами, в Москве шло обсуждение и закрепление позиций, фактически уже завоеванных словаками в ходе восстания.

Позиция Э. Бенеша и Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП) была, как и прежде, обусловлена негативным опытом Мюнхена и 15 марта 1939 г., а также стремлением создать прочное единое государство. Однако в ходе обсуждения VI главы представители ЧНСП вынуждены были уступить, когда поняли, что в своей оппозиции коммунистам и делегации СНС они одиноки. По словам члена партии П. Зенкла, национальные социалисты надеялись, что эта сдача позиций временная и после войны они смогут «реорганизовать Чехословакию в духе подлинной демократии»] 17, s. 15—16]. В итоге 26 марта VI глава программы была принята в формулировке, предложенной делегацией СНС и КПЧ. Кошицкая правительственная программа признавала самостоятельность словаков, сохраняла возникшие еще в ходе восстания словацкие национальные органы в качестве носителей власти на территории Словакии. Она закрепляла асимметричное устройство ЧСР: признавала существование только центральных и словацких национальных органов власти без аналогичных чешских. В программе не оговаривались ни форма будущего государственного устройства, ни компетенция словацких органов власти [18, s. 36—37]. Эти вопросы оставались открытыми для дальнейших переговоров. Таким образом, VI глава программы содержала лишь общие принципы, которые на практике могли быть реализованы по-разному.

От принципа «равный с равным» к унитарному государству. Сразу после возвращения на освобожденную территорию в апреле 1945 г. чехословацкое правительство столкнулось с проблемой урегулирования чешско-словацких взаимоотношений. Между СНС и общереспубликанским правительством не только не установился должный контакт, но и возобновились споры о разграничении полномочий. Реальная власть в Словакии находилась в руках СНС, имевшего огромный авторитет у населения. Словаки стремились вообще не допустить центральное правительство «к проведению активной деятельности» [16, с. 199—200].

На первых после освобождения республики переговорах с центральным правительством в мае — июне 1945 г. СНС предложил проект устройства страны по типу федерации. Чешские и словацкие коммунисты, ранее провозглашавшие стремление устроить совместное существование обоих народов по принципу «равный с равным», посчитали нецелесообразным даже рассмотреть предложение СНС на заседании правительства. Свою позицию они аргументировали неготовностью чешского общества к принятию федерации, а также тем, что обсуждение этого вопроса неизбежно обострило бы отношения с некоммунистическими партиями, стремившимися усилить позиции центрального руководства в Словакии [19, s. 44—45]. Чешская сторона пыталась приравнять СНС к Краевому национальному комитету (КНК), имевшему административно-исполнительные, но не законодательные полномочия.

Попыткой разграничения функций центральных и словацких органов власти стало так называемое первое пражское соглашение 2 июня 1945 г. Оно закрепило за словаками собственные законодательные и исполнительные органы без аналогичных чешских, что означало отказ от идеи федерации [20, s. 52—56]. Чешские политики рассматривали это соглашение как необходимую меру в борьбе со словацким дуализмом. На совещании ЦК в июне 1945 г. лидеры КПЧ открыто говорили, что не потерпят самостоятельности словацких коммунистов и лишь в случае изменения курса СНС «начнется эра помощи Словакии» [21, л. 255].

Осенью 1945 г. стало очевидным, что соглашение от 2 июня будет не последним ущемлением словацких органов власти. На заседании Временного национального собрания 31 октября 1945 г. было заявлено, что окончательное решение о принципах чешско-словацких

отношений будет вынесено Законодательным национальным собранием (ЗНС) [22, s. 1]. Подготовка закона о ЗНС вновь актуализировала соотнесение полномочий республиканского парламента с функциями СНС. В итоге переговоров 25 апреля 1946 г. было подписано второе пражское соглашение, которое ограничило компетенцию словацких органов. За СНС и Корпусом уполномоченных была сохранена законодательная и исполнительная власть при условии согласования своей деятельности с центральными органами [20, s. 56—60]. Было понятно, что чешская сторона в словацком вопросе руководствовалась формулой «К себе ближе!» [23, s. 2]. Речь шла о недопущении словацкого сепаратизма.

Национальный фронт в Чехии был представлен четырьмя партиями: ЧНСП, КПЧ, народной (НП) и Чехословацкой социал-демократической (ЧСДП). В Словакии действовали две партии: ДП (в 1945 г. около 230 тыс. членов) и КПС (197 тыс.) [9, s. 102]. Попытки создания третьей словацкой партии делались неоднократно и возродились в связи с выборами в ЗНС, намеченными на май 1946 г. Все усилия по формированию третьей силы сводились к организации ответвления чешских партий в Словакии. Так, 20 января 1946 г. в Братиславе была основана Партия труда, фактически ставшая филиалом ЧСДП [24, s. 118]. А 1 апреля 1946 г. в Братиславе возникла Партия свободы, в которую перешли виднейшие деятели ДП — Шробар, Славик, Терек. На 79 % партия состояла из крестьян-католиков [25, л. 161]. По мнению члена КПС В. Широкого, ее созданием преследовалась цель получить голоса католического электората Словакии, не желавшего голосовать за коммунистов и демократов [25, л. 155].

По результатам первых послевоенных парламентских выборов, состоявшихся 26 мая 1946 г., большинство голосов в целом по республике получили коммунисты [10, s. 42]. Воспользовавшись этим, 2 июля 1946 г. КПЧ сформировала новое чехословацкое правительство во главе с премьер-министром К. Готвальдом. Переговоры о его создании были связаны с трудностями. Уверенно победив на выборах в Словакии, ДП стала серьезным соперником для коммунистов, в связи с чем ее участие в общереспубликанском правительстве для КПЧ было крайне нежелательным. Открыто запретить ДП готвальдовское руководство не могло. Роспуск партии означал бы переход ее сторонников в оппозицию, а за демократов проголосовало большинство (61,43 %) словацкого народа [10, s. 43]. Выход был найден. В Праге подняли вопрос о государственной благонадежности ДП, а МВД направило в Словакию комиссию для расследования «противозаконных методов предвыборной агитации, использованных Демократической партией» [26, л. 66]. Комиссия собрала материал, якобы подтверждавший беззакония демократов и их связь с людацкими элементами. В этой обстановке 31 мая 1946 г. тайное заседание чехословацкого правительства выразило согласие с предложением министра национальной обороны Л. Свободы на перемещение двух дивизий в Словакию, что было прямым нарушением Кошицкой программы, в соответствии с которой в мирное время на территории Словакии должны были находиться лишь словацкие военные подразделения [10, s. 47].

Вопрос о полномочиях словацких национальных органов вновь оказался в центре внимания сразу после выборов. В качестве условия участия демократов в правительстве руководство КПЧ поставило принятие соглашения, которое значительно расширило бы влияние центрального правительства на Словакию. К. Готвальд был хорошо информирован о позиции остальных чешских партий в отношении словаков, поэтому ему не составило труда добиться их совместного выступления. Отказ ДП от предложенных условий означал бы изоляцию и возможное удаление из Национального фронта, поэтому она была вынуждена согласиться на очередное радикальное ограничение правомочий словацких органов в пользу общереспубликанских, что было зафиксировано в третьем пражском соглашении 28 июня 1946 г. СНС по-прежнему сохранял за собой законодательную компетенцию на территории Словакии, однако все проекты его постановлений подлежали предварительному рассмотрению общереспубликанским правительством. Соглашение ограничивало исполнительную власть Корпуса уполномоченных. Кроме того, назначение членов Корпуса должно было в обяза-

тельном порядке согласовываться с Прагой. Корпус уполномоченных превращался в орган, подотчетный министрам чехословацкого правительства [20, s. 62—66]. В результате заключения трех пражских соглашений словацкие органы деградировали до уровня безвластных учреждений, подчиненных общереспубликанскому руководству. Принцип «равный с равным» уже никто не вспоминал, в том числе и его активные защитники — коммунисты.

Положение словаков после выборов обрисовал председатель СНС Й. Леттрих в июне 1946 г.: «Словакия, несмотря на политические и религиозные различия [с Чехией. — *И. В.*], уяснила себе, что в этой политической ситуации, в этом географическом положении, в котором она находится, не может претендовать на какую-либо государственно-политическую независимость...» [26, л. 66]. Чешские партии видели в третьем пражском соглашении основу для совместного проживания чехов и словаков в рамках одного государства. ДП и КПС считали его временной мерой и возлагали надежды на новую конституцию [10, s. 52].

Подготовка конституции проходила в новых политических реалиях. Национальный фронт в его первоначальном виде фактически прекратил существование. С одной стороны, стремление к монополии на власть с января 1947 г. стало официальным курсом КПЧ, направленным на «завоевание большинства нации». В ходе реализации данной установки удалось добиться выражения вотума недоверия членам ДП в словацком правительстве в связи с их негативными оценками национализации и идеи ревизии агарной реформы 1919 г. Кроме того, демократы были обвинены в сотрудничестве с антигосударственным подпольем и подготовке антигосударственного заговора [27, s. 230]. СНС и Корпус уполномоченных были вынуждены подать в отставку, и в новом руководстве, сформированном 20 ноября 1947 г. Г. Гусаком, был ликвидирован перевес ДП, поскольку она потеряла три кресла. С другой — кризис в Словакии привел к перегруппировке сил во всей республике. Реальностью стал антикоммунистический блок, представленный ЧНСП, НП и словацкими демократами.

В ходе обсуждения проектов конституции стало очевидно, что ни одна из чешских партий уже не ставила вопрос о существовании словацкого народа [10, s. 56]. Расхождения между партиями существовали в сфере соотнесения компетенций центральных и словацких органов власти. Однако осуществление правительственного переворота в феврале 1948 г. автоматически зачеркнуло все проекты некоммунистических сил. Конституция, принятая 9 мая 1948 г., закрепила принцип равноправия чешского и словацкого народов, который трактовался в духе третьего пражского соглашения, что соответствовало проекту КПЧ [28]. Принятие конституции завершило формирование асимметричной модели государственно-правового регулирования национальных отношений двух народов в рамках унитарного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barto, J.* Riesenie vzt'ahu Cechov a Slovakov (1944—1948) / J. Barto. Bratislava : Epocha, 1968. 242 s.

2. *Falt'an, S.* Slovenska otazka v Ceskoslovensku / S. Falt'an. Bratislava : Vydatel'stvo politickej literatúry, 1968. 352 s.

3. *Grospič, J.* K některým problémům ústavně právního vývoje Čechů a Slováků v letech 1945—1946 / J. Grospič // Československá revoluce v letech 1944—1948: sborník př spěvků z konference historiků k 20. výročí osvobození ČSSR. Praha : Academia, 1966. S. 126—149.

4. *Barnovský, M.* Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948 / M. Barnovský. Bratislava : Veda, 1978. 228 s.

5. *Бобраков-Тимошкин, А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918—1938) / А. Бобраков-Тимошкин. М .: Новое литобозрение, 2008. 224 с.

6. *Серапионова, Е. П.* Идея чехословакизма. Истоки и реализация / Е. П. Серапионова // Национальный вопрос в Восточной Европе / М. Д. Ерещенко (отв.ред). М. : ИСБ РАН, 1995. С. 61—70.

7. *Марьина, В. В.* Путь к независимости? / В. В. Марьина // Национальный вопрос в Восточной Европе / М. Д. Ерещенко (отв.ред). М. : ИСБ РАН, 1995. С. 201—225.

8. *Žatkuliak. J.* Predstavy a skutočnost' uplatňovania principu rovnoprávnosti medzi Slovákmi a Čechmi (1945—1992) / J. Žatkuliak // Historický zborník. 1997. № 7. S. 58—72.

9. *Sikora, S.* Rekonštrukcia orgánov územnej správy na Slovensku podl'a výsledkov parlamentných volieb roku 1946 / S. Sikora // Prvé povojnové vo by v strednej a juhovýchodnej Európe / ed. M. Barnovský, E. Ivaničková. Bratislava : Veda, 1998. S. 100—110.

10. *Rychlík, J.* Češi a Slováci ve 20. stolet / J. Rychlík. Praha ; Bratislava : Academic Electronic Press a Ústav T. G. Masaryka, 1998. D l 1: Česko-slovenské vztahy 1945—1992. 555 s.

11. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / редкол.: В. В. Марьина (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 2005. Кн. 1. 453 с.

12. Dokumenty moderní doby / red. A. Faltys. Praha : Svoboda, 1978. 656 s.

13. Sloveske narodne povstanie: dokumenty / zost. V. Prečan. Bratislava : Vyd. pol. lit, 1965. 1220 s.

14. Cesta ke Kvetnu. Vznik lidové demokracie v Československu: v 2 sv. / ed. M. Klimeš [aj.]. Praha : Nakladatelství Československé Akademie věd, 1965. Sv. 1. 454 s.

15. *Beer, F.* Dejinna krizovatka: slovenské národní povstání, předpoklady a výsledky / F. Beer, A. Benčík. Praha : Nakladatelství politické literatury, 1964. 516 s.

16. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1: 1944—1948 гг. — 1997. 986 с.

17. Cestou k Únoru: dokumenty / ed. V. Král. Praha : Svobodné slovo, 1963. 432 s.

18. Cestou kvetna. Dokumenty k pocatkum nasi narodni a demokraticke revoluce. Duben 1945 — kveten 1946. Praha : Svoboda, 1975. 494 s.

19. *Kaplan, K.* Nekrvavá revoluce / K. Kaplan. Praha : Mladá fronta, 1993. 442 s.

20. *Měchýř, J.* Slovensko v Československu. Slovensko-české vztahy 1918—1991: dokumenty, názory, komentáře / J. Měchýř. Praha : Práce, 1991. 128 s.

21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ä. 775 — Информационные материалы о стране.

22. Máme před sebou gigantické úkoly: významný projev poslance dr. P. Drtiny jménem klubu poslanců čs. národně socialistických // Svobodné slovo. 1945. 1 listopadu. S. 1.

23. Vybudování všestranné demokracie // Svobodné slovo. 1945. 16 listopadu. S. 2.

24. *Kocian, J.* Volby v českých zemích v roce 1946 / J. Kocian // Prvé povojnové vol'by v střednej a juhovýchodnej Európe / ed. M. Barnovský, E. Ivaničková. Bratislava : Veda, 1998. S. 111—127.

25. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 3 — Краткая справка о деятельности словацкой Партии свободы и Христианско-республиканской партии.

26. АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 43. Д. 13 — Справка по Словакии.

27. *Bouček, M.* Národní fronta Čechů a Slovaků v letech 1946—1948 / M. Bouček, M. Klimeš // Sborník historický. 1973. № 20. S. 195—241.

28. Конституция и основные законодательные акты Чехословацкой Республики. М. : Изд-во иностр. литературы, 1955. 680 с.

РЕЗЮМЕ

Автор выделяет три этапа в отношениях между чехами и словаками в период 1918—1948 гг. Отправной точкой исследования является формирование независимой Чехословацкой Республики, идеологической основой которой была теория «чехословакизма», которая нашла свое отражение в Конституции 9 мая 1948. Завершен процесс формирования так называемой асимметричной модели государственного правового регулирования межэтнических отношений.

SUMMARY

The author distinguishes three stages in the relations between Czechs and Slovaks in the period 1918—1948. The starting point of the study is the formation of an independent Czechoslovak Republic, the ideological core of which was the theory «chehoslovakizma». Final point of this paper is taking the Constitution May 9, 1948. The Constitution completed the process of forming the so-called asymmetrical model of state law regulation of ethnic relations.

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2011 г.